

РАЗДЕЛ III

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСВОЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР

КОНСТРУКТ «TARTARIA MAGNA» В ЗАПАДНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А. Г. ЕМАНОВ

Тюменский государственный университет

Аннотация: В статье анализируется конструирование геополитонима «Tartaria Magna» (Великая Тартария) в текстах западноевропейских интеллектуалов XIII — XV вв., начиная с Матвея Парижского и Филиппа Муске, наделение его разными смыслами; рассматривается трансформация этого идейного конструкта в последующей интеллектуальной традиции Нового времени; акцентируется внимание на географических экспликациях XVI — XVII вв. Абрахама Ортелиа, Джованни Ботеро, Дени Петавия и этногеографических нарративах.

Ключевые слова: Tartaria Magna, Великая Тартария, Матвей Парижский, Филипп Муске, Абрахам Ортелий, Джованни Ботеро, Дени Петавий, Николаас Витсен, Готлиб Мессршмидт.

Идеологема «Великая Тартария» возникла в конце Средних веков и получила распространение в Новое время, меняя смысловое наполнение. Она обретает сегодня невероятную гиперактуальность, и как всякий гиперфеномен выходит далеко за пределы строго научного познания. Вокруг этой идеи множатся и тиражируются псевдонаучные и окологуманистические построения, циркулирующие в общественном сознании, в ориентирах новых интеллектуальных и политических элит. Стоит только обратить внимание на броские приметы нашего времени — многочисленные сайты в Интернет (alternathistory.com etc.), многотысячные тиражи «Новой хронологии», несколько миллионов просмотров скандального

фильма «Великая Тартария — империя Русов»... Позитивную альтернативу этим тенденциям составляют такие начинания, как создание группой молодых ученых Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в Улан-Удэ в конце 2011 г. нового журнала «Tartaria Magna. Studia turkica, mongolica, tibetica, manchurica, sibirica, russica etc» [11]. Его целью ставится изучение космополитического метапространства Евразии, которое последовательно с древности до Нового времени становилось ареной реализации геополитических проектов скифов, сарматов, тюрков, татар, Российской империи... Вокруг журнала сложился регулярный методологический семинар, стали организовываться периодические публичные лекции ведущих ученых, специалистов по древности, средневековью и последующим периодам истории Евразии.

Среди методов данного исследования могут быть выделены методы «воображаемой географии», имагологии, алиенологии и некоторые иные приемы исторической антропологии. Метод «воображаемой географии» предложен крупнейшим знатоком восточных культур *Эдвардом Саидом* (1935-2003) [9], профессором Колумбийского университета, американским интеллектуалом арабского происхождения. Этот метод требует освобождения от фиктивных, сфабрикованных презентаций Востока посредством анализа дискурсивных практик, свойственных текстам разных эпох, побуждает отыскивать «самопроговаривания» восточных культур. Метод имагологии (*imago* — образ) разрабатывается многими учеными-гуманитариями. Здесь более предпочтительными оказались методологические новации *Гуго Дисеринка* [3], голландского историка, обосновавшего в Люксембурге. Он акцентирует внимание на сопоставлении образов, конструируемых внешними наблюдателями, и внутренних образов — самопрезентаций, самоманифестаций. Метод алиенологии (*alienus* — чужой) также сегодня бурно развивается, и из всех его возможных модификаций наиболее продуктивным в заявленном исследовании видится подход *Бернхарда Вальденфельса* [12], немецкого антрополога, профессора Рурского университета. Согласно ему, внимание исследователя фокусируется не на самом феномене «другого», его инаковости, а на особой

сети отношений, где главным является средостение многих других, места соединения, их объединения, где исчезает централизация, и каждый проявляет свою суть, только будучи связанным с другим.

Конструкт «Великая Тартария» зародился в средневековой хронистике. Наиболее пространные сведения о неведомом народе приводил Матвей Парижский (ок. 1200 — ок. 1259). Он сообщал о сарацинском посольстве 1238 г. к французскому королю [5, р. 488]; послы просили о помощи против дикого и жестокого воинства, которое спустилось с северных гор, опустошило богатые и многолюдные земли Востока и вторглось в Венгрию.

Татары признавались «племенем Сатаны», они считались происходившими от демонов, освободившихся из Тартара, из самого ада. Вспоминались предания о страшных народах Гог и Магог, которых Александр Македонский заточил в горах Прикаспия и которые теперь вышли из заточения.

Впрочем, были и альтернативные суждения. В рифмованной «Истории королевства франков» Филиппа Муске (первая пол. XIII в.) [4, р. 815] возвещалось о том, что татары отправились на Запад для освобождения одного из трех восточных царей-волхвов, приносивших дары новорожденному Иисусу. Самые просвещенные анналисты предпочитали не скомпрометировавший себя политоним «тартары», а библейское обозначение «измаилитяне», или «агаряне», т.е. потомки Измаила, сына Авраама, от Агари.

Геополитический символ «Великая Тартария» активно использовался западноевропейскими картографами XVI-XVII вв., а уже от них был воспринят путешественниками. Здесь прежде всего нужно вспомнить нидерландского географа Абрахама Ортелия (1527-1598), его карту Евразии «*Tartariae sive Magni Chami regni typus*» [7, pl. 1]. В одной из картографических легенд он пояснял; «*Tartaria que Sarmatiam Asiaticam utramque Scythiam veterum comprehensit*» (Тартария охватывает прежнюю Азиатскую Сарматию и одну из двух Скифий). При этом, в реальности никакого единого государства под властью татар в это время уже не существовало, распались и были завоеваны последние крупные татарские ханства — Казанское и Сибирское. «Великая Тартария» становится просто собира-

тельным обозначением Евразии по традиции, поскольку не возникло еще нового политонима.

Итальянский картограф Джованни Ботеро (1544-1617) на аналогичной карте [2, р. 229] поместил более пространные толкования: «Si chiamava prima Scitia; mà da trecento anni in qua i Tartari (popoli usciti sotto il gran Chingi, da un cantone dell' Asia ditto in lor lingua Mongol) che ne hanno occupato il dominio, hanno anche il nome: sotto il quale si contiene... poco meno della metà della terra ferma dell' Asia: perche si stende dalla Volga sino ai confine della China et dell' India: et dell' Oceano Scitico, sino alla palude Meotide et al mar Hircano, è divisa in quarto parti. L' una contiene le Orde: l' altra il Zagataio, et gli altri popoli sino all' Vssonte, et al deserto Loppo: la terza il Cataio, con tutto ciò, che si allargha tra' i sudetto deserto, e la China: la quarta comprende I paesi poco conosciuti di Belgian, Argon, Arsaret, Ania» (Она называлась прежде Скифия, однако триста лет назад татары (народ, вышедший во главе с великим Чингисом из азиатской страны, называемой на их языке Монголия) установили там свое господство и изменили название, под которым понимается почти половина Азии; она простирается от Волги до границ Китая и Индии, и от Скифского океана — вплоть до Меотидского болота и Гирканского моря и делится на 4 части: первая включает в себя — Орды, вторая — Джагатай и прочие народы степи и пустыни, третья — Китай со всеми землями между пустыней и Китаем, четвертая включает плохо известные земли...).

Рассуждения о Тартарии содержатся и в географическом приложении к главному труду отца исторической хронологии Дени Петавия (1583-1652) [8, р. 77-78]: «Тартария (известная издревле как Скифия по первому царю Скифу, которая затем была названа «Маголиус», по имени сына Иафета Магога, чьими наследниками стали ее обитатели) собственным населением признается как «Монголия». «Тартарией» же называют по реке Таргар, пересекающей почти всю страну. Это — великая империя..., она охватывает с Востока на Запад 5400 миль и с Севера на Юг — 3600 миль, таким образом великий хан, т. е. император, правит многими царствами и провинциями. На Востоке эта империя ограничена Кита-

ем, Китайским морем и Анианским проливом, на Западе — Уральскими горами, на Юге — реками Ганг и Инд, а на Севере — Скифским, или Ледовитым океаном».

Из огромного количества описаний путешественников следует выделить сочинение «Северная и Восточная Тартария» Николааса Витсена (1641-1717) [1], голландского государственного деятеля, дипломата. Витсен во время обучения в Лейденском университете получил основательные познания в восточных языках и литературе. Он проявлял неподдельный интерес к письменности и языкам народов Тартарии. В частности, он подметил, что татары еще до образования империи Чингис-хана знали письменность, притом они пользовались не иероглификой, как окружавшие их народы, а буквенным письмом; в их алфавите было 60 букв; писали они так же, как и европейцы: слева — направо, и только после завоевания Китая направление письма у татар изменилось: сверху — вниз, по примеру китайцев. Жителей Китая татары называли «никон», т. е. негодные, глупые, неуклюжие, из-за неумения ездить верхом на коне. А европейцев они откровенно считали «варварами», полагали, что они видят только одним глазом, а не двумя, как все татары. Еще одно удивительное наблюдение сделано Витсеном: татары не могли использовать дрова для обогрева, ввиду отсутствия леса в степи и пустыне; и тогда они научились применять для этих целей «горючий камень». И здесь может быть высказано предположение о самом раннем использовании горючих сланцев, которые сегодня воспринимаются как альтернатива нефти и газу.

И еще один текст заслуживает пристального внимания. Это — «Das Nord- und Ostliche Teil von Europa und Asia» [10], приписываемый Филиппу Йохану Страленбергу (1676-1747), шведскому военнопленному, находившемуся на работах в Тобольске, но более реальным автором которого надлежит признать Даниила Готтлиба Мессершмидта (1685-1735), возглавлявшего одну из академических экспедиций в Сибирь [12]. В этой работе представлены результаты сравнительного изучения языков Великой Тартарии. Для этого были выделены 60 смыслополагающих слов: отец, мать, род, огонь, земля, воздух..., числительные от 1 до 10 и т. д. Эти слова

фиксировались на языках различных народов; языки были объединены в 6 групп: 1) угорская (гунны, венгры, финны, вогулы, остяки, мордва, марийцы, вотяки); 2) тюркская (татары, чувашаи, якуты); 3) самодийская (ненцы); 4) ламаистская (калмыки, маньчжуры, тангуты); 5) южно-самодийская (тунгусы); 6) кавказская.

Но Великая Тартария этим не ограничивалась. В нее входили и Малая Тартария — Херсонес Таврический и даже еще шире — земли между Днепром и Доном. Порой можно встретить обозначение и «Московская Тартария».

Татарский мир оказывается явлением далеко не столь простым. Это — и пустыня, степь, пространство летних и зимних кочевий. Одновременно это — и военное господство, связанное с правилами военной службы, клятвами и обязательствами, контролем над караванными торговыми путями. Этот мир не имел очерченных границ, пределы его неопределенны, задаются возможностями и потребностями конной армии. Важным для понимания татарского мира является термин «улус». Так обозначались объединения родственных групп, связанных принципом верности великому хану. Чингис-хан, первый в их ряду, вел свое начало от неба. Его тотемом выступал голубой волк. Великий хан воспринимался сыном Неба, получавшим санкцию на завоевание земли.

Достижения «Великой Тартарии» могут быть усмотрены в следующем:

- учет населения в ходе периодических переписей, заинтересованность в его всемерном росте;
- справедливое налогообложение;
- мобилизация человеческих, материальных и финансовых ресурсов для достижения общезначимых целей;
- оперативная коммуникация благодаря отлаженной ямской службе, институту пайцзы, гарантиям караванной торговли.

Итак, идея «Великая Тартария» стала плодом рефлексии западноевропейских интеллектуалов для обозначения не имевшего определенных пределов евразийского пространства, когда татары утратили политическое доминирование, лишились своих последних государственных образований, как воспоминание о их былом

могуществе. Идейный конструкт «Великая Тартария» содержал в себе оценочные коннотации западноевропейцев об ином и непредсказуемом мире Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария: в 3 т. / пер. с голланд. В. Трисман. — Амстердам: Pegasus, 2010. — Т. 1. — 622 с.; Т. 2. — 600 с.; Т. 3. — 580 с.
2. Botero G. Relationi universali. — Brescia: La Compagna Bresciana, 1599. — Pag. sep.
3. Dyserinck H. Imagologie: gesammelte Aufsätze zur Erforschung ethnischer Stereotypenbildung. — Bonn: Bouvier, 1993. — 175 S.
4. Ex Philippi Mousket Historia regum francorum / ed. A. Tobler // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. — Hannoverae : Impensis bibliopolii Hahniani, 1882. — Vol. XXVI. — P. 815.
5. Matthaei Parisiensis Chronica majora / ed. H. R. Luard. — London : Longman & C°; Oxford : Macmillan & C°; Cambridge : A. & C. Black, 1876. — P. 488.
6. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien: in 5 T. / hrsgb. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. — Berlin : Akademie Verlag, 1962-1977; 1962. — Т. 1. — 379 s.; 1964. — Т. 2. — 271 s.; 1966. — Т. 3. — 274 s.; 1968. — Т. 4. — 283 s.; 1977. — Т. 5. — 156 s.
7. Ortelius A. Tartariae sive Magni Chami regni typus. — Antverpiae: Platin, 1598. — Pl. 1.
8. [Petavius D.] A geographical description of the World / engl. trans. by J. Streater. — London, 1659. — P. 77, sq.
9. Said E. Orientalism. — N. Y.: Penguin Classics, 2003. — 368 p.
10. Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Teil von Europa und Asia: in einer historisch-geographischen Beschreibung. — Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. — 463 p.
11. Tartaria Magna. Studia turkica, mongolica, tibetica, manchurica, sibirica, russica etc. / ed.-en-chief B. Bazarov. — Ulan-Ude: Buryaad Mongol Nom, 2011- ... — Vol. 1-...
12. Waldenfels B. Topographie des Fremden: Studien zur Phänomenologie des Fremden. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1997. — 227 S.